

Тень Луны

Маша
Малиновская

Маша Малиновская

Тень Луны

<https://litres.ru/72225307>

SelfPub; 2025

Аннотация

Заброшенная в мир эльфов, обычная почтальонша Алиса получает невероятный дар — Карту, читающую эмоции мира. Ее единственный шанс выжить — стать проводником для Каэлана, циничного изгнанного принца, жаждущего отвоевать трон. Их путь лежит через летающие острова, кристальные леса и моря зыбучих песков, где за каждым поворотом таится предательство и темная магия. Но самая большая опасность — их растущее влечение.

Смогут ли враги поневоле довериться друг другу, когда спасти королевство можно лишь ценой собственного сердца? Любовь или долг? Выбор, который изменит два мира.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	44
Глава 6	52
Глава 7	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Маша Малиновская

Тень Луны

Глава 1

Скрип. Треск. Скрип. Треск.

Ритм моего утра задавали не будильник и не пение птиц за окном, а вечный дуэт старого велосипеда «Урал» и гравия на дороге. Каждое утро, ровно в семь тридцать, я выкатывала его из сарая во дворе почты, вздыхала и садилась в седло. Сумка, тяжелая и неудобная, набитая сегодняшней почтой для Маршрута №7, давила на плечо знакомой ноющей тяжестью.

«Дубки». Даже название звучало как сонная песня. Поселок, застывший где-то между прошлым и... другим прошлым. Небольшой, уютный, невероятно скучный. Мои владения простирались от здания администрации с вечно недовольным завхозом на крыльце до последнего покосившегося домика у старой дубравы, давшей поселку имя. Знакомый до боли путь. До каждой трещинки на асфальте, до каждого корня, вылезшего из-под земли у забора тети Гали.

Скрип. Треск. Я нажала на педаль сильнее, въезжая на пологий подъем к первому дому. Воздух был густой, теплый, пропитанный запахами лета: сладковатой пылью с дороги,

резким ароматом только что скошенной за забором травы (дед Семен опередил меня сегодня) и чуть уловимым дымком от чьей-то утренней печки. Знакомый коктейль. Знакомый, как скрип седла подо мной.

Пункт первый: Дом №5 по улице Мира. Старый кирпичный дом с резными наличниками. Почтовый ящик – синяя жестяная коробка у калитки. Я автоматически сняла ногу с педали, позволив велосипеду катиться по инерции, одной рукой придерживая руль, другой уже доставая из сумки пачку газет и пару конвертов. Бросок. Точное попадание. Никогда не промахиваюсь. Даже не смотрю. Я *знаю* расстояние, угол, вес посылаемого. Пространство вокруг меня – это живая, дышащая карта, прочерченная в моей голове тысячами поездок. Я помню не только каждый дом, но и каждую выбоину на тротуаре, каждый поворот тропинки через пустырь, каждый куст сирени у почты, мимо которого проезжаю дважды в день. Помню «срезы» – самые короткие пути: вот здесь, между домом №12 и сараем дяди Васи, можно проскочить, срезав добрых пять минут; а вот этот двор проходной, хозяйка не ругается, если аккуратно пройти; а вот тут забор с дырой, но только если не было дождя, иначе увязнешь в грязи. Это знание – мой единственный сверхъестественный талант. В «Дубках» он помогал лишь не опоздать к обеду и не застрять в грязи после дождя.

Письма упали в ящик с глухим стуком. Пусто. Как всегда. Никто в доме №5 не ждал вестей с большой земли. Я трону-

лась дальше.

Пункт второй: Квартиры над бывшим гастрономом. Три звонка у трех разных дверей в темном, пропахшем капустой и старостью подъезде. Тете Люде – пенсия, дяде Коле – квитанция за свет, молодому парню с третьего этажа (никогда не запомню имени) – толстый каталог какого-то интернет-магазина. Он каждый раз удивленно поднимал брови, словно не понимал, как это *здесь* оказалось. Я улыбалась вежливо-безразличной улыбкой почтальона и спускалась вниз, вновь ныряя в запах пыли и скошенной травы.

Солнце поднималось выше, начинало припекать. Капли пота скатились по виску. Я вытерла их тыльной стороной ладони, оставив на коже ощущение легкой липкости. Скрип. Треск. Мысли, как назойливые мухи, кружили вокруг одного: заколдованный круг. Дубки. Маршрут №7. Велосипед. Пыль. Газеты. Квитанции. Редкие письма. Изо дня в день. Из месяца в месяц. Год за годом. Мне двадцать пять, а ощущение, будто я сто лет уже езжу по этим улочкам, знаю каждую трещинку на лицах старушек у подъездов, каждый узор ржавчины на почтовых ящиках.

А ведь когда-то... Когда-то было иначе. Я помню, как ребенком могла часами сидеть, уткнувшись в огромный атлас мира, подаренный отцом. Я водила пальцем по извилистым линиям рек Амазонки, по зазубренным берегам Норвегии, по бескрайним просторам Сахары. Я запоминала столицы,

флаги, названия горных хребтов и океанских течений. Казалось, весь мир лежит у моих ног, ждет, чтобы его изучили, прошли, прочувствовали. Потом были книги. Горы книг. Не сказки, нет. Приключения. Романы о мореплавателях и исследователях, о караванах, бредущих через пустыни, о воздухоплавателях, штурмующих небо. Герои Хаггарда, Жюль Верна, Буссенара. Их миры были яркими, шумными, пахнущими солью, порохом, экзотическими цветами и опасностью. Моя комната была увешана картами – старыми, новыми, топографическими, фантастическими. Я могла нарисовать по памяти контуры материков, проложить маршрут из пункта А в пункт Б через десятки стран. В моей голове жили целые вселенные дорог, троп, морских путей и воздушных коридоров.

А потом... потом умер отец. Мечты схлопнулись, как мыльный пузырь. Нужно было работать. Помогать маме. «Дубки» и почта стали моей реальностью. Моей скучной, серой, предсказуемой реальностью. Мои карты мира свернулись в трубку и пылятся на антресолях. Атлас пожелтел. Книги стоят на полке, корешки их постепенно выцветают на солнце. А я... я развожу почту. По Маршруту №7.

Пункт десятый: Бабушка Клара. Ее маленький, утопающий в цветах домик был оазисом на моем пути. Не потому что там было весело, а потому что баба Клара была единственной, кто *искренне* радовался мне. Не почте, а именно мне, Алисе.

– Аллочка, родненькая! – ее голос, хрипловатый от возраста и бесконечных огородов, раздавался еще до того, как я сворачивала к калитке. Она уже стояла на крыльце, опираясь на палочку, ее морщинистое лицо расплывалось в улыбке. – Жаждалась тебя! Чайку холодненького? Жарко ведь!

– Спасибо, баба Клара, – я ставила велосипед на подножку, снимала сумку, чувствуя, как ноют плечи. – Работа. Надо успеть.

– Вечно ты успеть! – ворчала она, но глаза светились добротой. Она брала из моих рук пенсионное извещение и тоненькую газету «Наши Дубки». – Ну, что там пишут наши мудрецы? Опять воду отключать будут? Или про урожай кабачков?

Я улыбалась. Мы каждый раз проигрывали этот ритуал. Она знала, что я не читаю местную газету, я знала, что она прочтет ее от корки до корки и в следующий раз подробно перескажет. Но это было... тепло. Человечно. Она спрашивала про маму, про мое здоровье, рассказывала про соседского кота, который опять утащил у нее сметану. Пять минут. От силы десять. Но эти минуты были глотком воздуха в моем удушливом дне. Она давала мне стакан прохладного, сладкого компота (никогда не чая), я выпивала его залпом, благодарила и ехала дальше. Она махала мне вслед, пока я не скрывалась за поворотом.

Пункт пятнадцатый: Площадь у фонтана. Центр поселка. Условный центр. Здесь была администрация, почта

(моя отправная и конечная точка), сберкасса, аптека и тот самый фонтан. Он не работал уже лет пять. Зато его бетонная чаша служила отличной скамейкой. Именно здесь, под присмотром потухших каменных рыб и облупившихся амуров, я устраивала свой обеденный привал.

Сняв сумку и поставив велосипед рядом, я достала сверток: два бутерброда с сыром и термос с чаем. Мама каждый утром заботливо упаковывала их. Я отломил кусок хлеба, медленно жуя. Солнце палило вовсю. Пыль висела в воздухе неподвижной дымкой. На площади царила сонная тишина, нарушаемая лишь редким пролетом машины или голосами пары подростков, лениво бредущих куда-то в тень. Я смотрела на фасад почты. Кирпичное здание, одноэтажное, с зелеными ставнями и вывеской, которую давно пора было подновить. Моя тюрьма. Моя крепость. Мой... заколдованный круг.

Тоска подступала комом к горлу. Острая, знакомая. Я закрыла глаза, пытаясь представить не запах пыли и скошенной травы, а соленый бриз океана. Не скрип велосипеда, а крики чаек и шум прибоя. Не плоские поля за поселком, а заснеженные пики Гималаев или изумрудные джунгли. Но воображение подводило. Картины были блеклыми, звуки – приглушенными. Реальность, в виде жаркого солнца, давящего на веки, и сухого хлеба во рту, была сильнее.

Я доела бутерброды, допила тепловатый чай из термоса. Пора. Еще треть маршрута. Я вздохнула, поднялась, отрях-

нула крошки с юбки. Снова сумка на плечо. Снова седло. Скрип. Треск.

Оставшаяся часть пути слилась в монотонную карусель: дом, ящик, газеты, квитанция, редкое письмо. Дом, ящик... Я работала на автомате. Тело знало каждое движение, мозги отключился, утонув в привычной рутине. Только ноги монотонно давили на педали, только руки ловко бросали почту в щели ящиков. Иногда меня окликали: «Алис, есть что?» – «Газета, тетя Шура!» – «Спасибо, родная!». Короткий обмен репликами – и снова в путь.

Наконец, последний дом. Край поселка. Старая изба на отшибе, где жил глуховатый дед Егор. Я сунула в его почтовый ящик «Вестник района» и развернула велосипед. Обратная дорога всегда казалась короче, хотя физически это был тот же путь. Наверное, сказывалось облегчение от выполненной работы. Или усталость. Солнце уже клонилось к закату, отбрасывая длинные тени. Воздух стал чуть прохладнее, запах скошенной травы – еще гуще и слаще.

Я въехала во двор почты. Сарай. Поставить велосипед на место. Щелк – защелкнула замок на колесе (формальность, но порядок есть порядок). Снять пустую сумку. Плечи вздохнули с облегчением. Я вошла в здание почты.

Прохлада и знакомый запах бумаги, пыли и дешевого чая. За стойкой маялась наша оператор, тетя Валя. Она лениво махнула мне рукой:

– Все, Алиска? Молодец. Там на столе в подсобке остатки. Разбери, плиз.

– Ладно, – кивнула я.

Подсобка. Маленькая комнатка с единственным окном, заставленным папками и стопками старых газет. На столе лежала небольшая пачка невостребованной почты: несколько писем «до востребования», парочка извещений на тех, кого не застали дома, и... одна посылка. Небольшая, в серо-коричневой упаковке, без четкого обратного адреса. Отправитель: какая-то непонятная аббревиатура. Получатель... получателя не было. Просто адрес: «Почтовое отделение, Дубки». Странно. Обычно такое шло начальству. Я пожала плечами, положила посылку в сторону и принялась сортировать остальное: письма – в одну папку, извещения – в другую. Механическая работа. Успокаивающая в своей простоте.

Закончив, я вышла из подсобки. Тетя Валя уже собиралась домой.

– Все? – спросила она, надевая платок.

– Все. До завтра.

– До завтра, Алиска.

Дверь за ней закрылась. Я осталась одна в тихом, пустом помещении. Вечерний свет косыми лучами падал из окна, освещая столы и стойки. Тишина была густой, почти звенящей после дневной жары и скрипа велосипеда.

Я подошла к стене в нашем крошечном «зале ожидания». Там висела она. Единственная карта, не имеющая отношения к расписанию автобусов или схеме поселка. Большая, старая, чуть пожелтевшая по краям, карта мира. Я подошла вплотную. Мои пальцы сами потянулись к ней, коснулись гладкой, прохладной поверхности. Я повела пальцем по синему океану, от западных берегов Европы к восточным. Вот Англия, вот Франция, вот Испания... Африка... Азия... Бескрайняя Россия... Далёкая Австралия... Острова, рассыпанные, как бисер...

Где-то там кипела жизнь. Происходили события. Люди путешествовали, открывали, влюблялись, рисковали. Где-то были горы, выше этих жалких холмов за поселком. Где-то были моря, настоящие, пахнущие солью и свободой, а не тихие заросшие пруды в дубравке. Где-то шумели города, полные огней и незнакомых лиц.

А я здесь. В «Дубках». На почте. С Маршрутом №7. Где я буду завтра? Послезавтра? Через год? Здесь же. На том же велосипеде. С той же сумкой. С той же пылью.

Тоска накатила с новой силой, горькая и беспомощная. Я прижала лоб к прохладному стеклу, закрывавшему карту. Глаза невольно защемило.

– Когда же... – прошептала я в тишину пустого зала, но не закончила. Вопрос повис в воздухе, такой же бесполезный, как и мои мечты. Ответа не было. Только скрип велосипеда в памяти и запах скошенной травы за окном, напоминающий,

что завтра все начнется сначала. Все та же скучная бездна.

Глава 2

Утро началось с привычного скрипа. Скрипа не велосипеда, а входной двери почты, когда я, чуть запыхавшись (опоздала на пять минут из-за маминых поисков пропавшей кошки), втиснулась внутрь. Воздух был спертый, пропахший вчерашней пылью, дешевым кофе и безнадеей. Тетя Валя уже сидела за своей стойкой, листая какой-то глянцевого журнала, явно не почтового содержания. Начальник, Петр Иванович, что-то бубнил себе под нос, роясь в папках на своем столе, заваленном бумагами до самого края.

– Опоздала, Алисочка, – произнесла тетя Валя, не отрывая глаз от фотографии то ли курорта, то ли нового платья. В ее голосе не было упрека, только констатация факта. Как скрип велосипеда.

– Кошка сбежала, – буркнула я в ответ, направляясь к вешалке. Сбросила легкую ветровку – утро было прохладным – и потянулась за своей вечно недовольной на вид кожаной сумкой почтальона. Она висела, тяжелая и отвисшая, как будто уже устала от предстоящего дня.

– Маршрут седьмой, как всегда, – сказал Петр Иванович, не глядя на меня. Он протянул руку в сторону стойки, где лежали аккуратно связанные пачки газет и стопка писем и извещений для моего маршрута. – Там же конверт для тебя, Алиса. От районной администрации. Премияльные, должно

быть, — добавил он с едва уловимым сарказмом. Премияльные в наших «Дубках» были чем-то вроде местного фольклора — все о них слышали, но никто не видел.

Я вздохнула, подошла, начала перекладывать пачки в свою сумку. Газеты «Районный Вестник» — тяжелые, пахнущие свежей типографской краской. «Наши Дубки» — полегче, но не менее бесполезные. Квитанции за свет, воду, газ — скучные прямоугольнички судьбы. Письма... писем было мало. Одно — с поздравительной открыткой бабе Кларе от внучки из города (я узнала почерк), другое — официальный бланк для деда Егора. Монотонная работа: взять, положить, взять, положить. Руки двигались сами, мозг уже витал где-то над бескрайними просторами, которых не было в моей жизни.

И вот, когда сумка была почти полна, мои пальцы наткнулись на что-то твердое, неожиданное. Не плоский конверт, не мягкая пачка газет. Что-то... цилиндрическое. Я нахмурилась, раздвинула пачку «Районных Вестников» и извлекла предмет.

И тут моя рутинная утренняя дрема развеялась как дым. На ладони лежал цилиндр. Примерно с пол-литровую банку в длину и чуть тоньше в диаметре. Но это было не стекло, не пластик. Это был *металл*. Холодный, гладкий, невероятно плотный на ощупь. И не серый, не тусклый, как все в «Дубках». Он был *серебристый*. Не как алюминиевая кружка, а как настоящее, старое, благородное серебро, но без тем-

ных пятен окислений. Он словно светился изнутри собственным, неярким, но упрямым светом. И это было еще не все.

Весь его корпус, от основания до крышки, был покрыт *узорами*.

Я поднесла его ближе к глазам, забыв о Петре Ивановиче и тете Вале. Узоры были выгравированы или отлиты вместе с формой – тончайшие, изящные линии, сплетающиеся в невероятно сложные переплетения. Это не были знакомые русские завитушки или геометрические орнаменты. Это было что-то... чужое. Элегантное и дикое одновременно. Линии напоминали то ли изгибы неизвестных растений с острыми, как лезвия, листьями, то ли бегущие потоки воды, то ли сплетения звездных траекторий. Они были настолько мелкими и сложными, что глаз не мог уловить их целиком; стоило сосредоточиться на одном элементе, как периферийным зрением улавливалось движение другого, и узор оживал, переливался под светом люминесцентной лампы. Казалось, линии не просто лежали на поверхности, а уходили вглубь металла, создавая иллюзию объема, какого-то фантастического лабиринта. Я водила подушечкой большого пальца по прохладной поверхности, ощущая малейшие неровности гравировки. Они были невероятно четкими, будто вырезанными лазером, но при этом... теплыми? Нет, металл оставался холодным, но сами узоры словно вибрировали под пальцем, излучали едва уловимое присутствие.

– Что это у тебя, Алиска? – раздался голос тети Вали. Она

оторвалась от журнала, заинтересованно прищурилась.

Я вздрогнула, словно пойманная на чем-то запретном.

– Посылка какая-то... – неуверенно протянула я, поворачивая цилиндр в руках, ища маркировку. – Странная...

– Посылка? – фыркнул Петр Иванович, наконец подняв голову от своих бумаг. – Давай сюда.

Я протянула ему серебристый цилиндр. Он взял его, оценивающе взвесил на руке.

– Тяжеленький. Не игрушка. Где адрес?

Мы все трое уставились на гладкую поверхность. Ни имени отправителя. Ни имени получателя. Ни индекса. Ничего. Только серебристый металл и гипнотизирующие узоры. На одном из торцов была небольшая, почти незаметная каемка – видимо, место для крышки, но открыть ее голыми руками казалось невозможным – никаких выступов, пазов, просто идеально гладкий стык.

– Вот те раз, – пробормотал Петр Иванович, вертя цилиндр в руках. – Без адреса. Как кур во щи. Откуда взялась?

– В сумке с почтой для седьмого маршрута лежал, – пояснила я. – Среди газет.

– Чудеса, – тетя Валя покачала головой. – Может, кто ошибся? Или шутка?

– Шутка дорогая, – проворчал Петр Иванович, постукивая ногтем по металлу. Звук был глухой, плотный. – Металл явно не алюминий. Серебро? Да вряд ли... Станный сплав. И работа... – Он снова прищурился, разглядывая узоры. –

Художественная ценность, поди. Кто-то явно облажался с адресом. – Он протянул цилиндр обратно мне. – Положи в сейф, Алиса. На всякий случай. Потом разберемся. А пока – маршрут. Солнце встает!

Его тон не оставлял сомнений – разговоры окончены. Чудо, упавшее с неба (или в почтовую сумку), было отложено в сторону ради рутины. Тетя Валя снова уткнулась в журнал. Петр Иванович – в свои папки.

Я замерла на мгновение, сжимая холодный металл в ладони. Положить в сейф? Этот... этот невероятный, дышащий тайной предмет – в унылый, серый сейф рядом с кассовыми отчетами и пачкой старых бланков? Что-то внутри меня резко воспротивилось. Это было *мое* открытие. *Моя* песчинка чего-то необычного в мельнице скуки. И еще... когда я держала его, мне казалось, что по моей руке пробегают легкие мурашки, не от холода, а от какого-то... напряжения. Или тихого, едва различимого *гудения*. Как будто внутри спящего механизма что-то еле вибрировало. Или это просто кровь стучала в висках от возбуждения?

– Алиса! – рявкнул Петр Иванович. – Не задерживайся!

– Да-да, – вздрогнула я. – Сейчас.

Я не понесла цилиндр к сейфу. Вместо этого я осторожно, стараясь не привлекать внимания, опустила его на дно своей почтальонской сумки, прямо под пачку тяжелых «Районных Вестников». Холодный металл уперся мне в бедро. Я быстро докидала оставшуюся почту, застегнула сумку и почти побе-

жала к выходу, к своему старому «Уралу».

Весь день серебристый цилиндр был моим тайным спутником. Я чувствовала его вес и холод сквозь толщу газет и конвертов. Каждый раз, когда я останавливалась у почтового ящика, мои мысли возвращались к нему. К этим невероятным узорам. К ощущению странной вибрации, которая, возможно, была лишь плодом моего воображения, изголодавшегося по чуду. Я ловила себя на том, что мои пальцы ищут его форму сквозь кожу сумки, пока я ехала по знакомым улицам. Скрип велосипеда, запах пыли, голоса жителей – все это казалось каким-то приглушенным, наложенным поверх более важного, скрытого ощущения. Что внутри? Кто мог прислать такую вещь? И почему именно в «Дубки»? Почему в *мою* сумку?

Даже у бабы Клары я сегодня задержалась меньше обычного. Она что-то говорила про соседскую корову, а я кивала, улыбалась, но мысли мои были там, в сумке, у велосипеда. Я чувствовала себя немного виноватой, но иначе не могла. Это был самый интригующий предмет, который я держала в руках за все годы работы на почте. Да и за всю жизнь в «Дубках», пожалуй.

Обратный путь показался мне бесконечным. Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в пастельные тона, но я почти не замечала красоты. Я торопилась. Торопилась домой. Торопилась к тайне.

На почту я вернулась, когда тетя Валя уже ушла, а Петр

Иванович запирает свой кабинет.

– Все? – буркнул он, поворачивая ключ.

– Все, – ответила я, стараясь дышать ровно.

– Цилиндр в сейф положила?

Я замялась на долю секунды.

– Да, конечно, – соврала я, чувствуя, как кровь приливает к лицу. К счастью, полумрак коридора скрывал мой румянец.

– Ладно. Завтра разберусь. Спи.

Он кивнул и вышел, тяжело ступая. Я ждала, пока звук его шагов не стих за дверью, пока не услышала, как завелся его старенький «Москвич» и затарахтел прочь. Только тогда я выдохнула. Тишина почты снова сомкнулась вокруг меня, но теперь она не казалась удушающей. Она была полна ожидания.

Я вытащила цилиндр из сумки. Он был прохладным, тяжелым, реальным. Узоры в сумеречном свете, пробивавшемся из окна, казались еще более загадочными, глубокими. Я бережно завернула его в свою ветровку, спрятав под мышку, и почти выбежала из здания, торопливо запирая дверь.

Дорога домой – обычно последняя унылая часть дня – се-

годня была наполнена странным волнением. Я шла быстро, крепко прижимая сверток к себе, озираясь по сторонам, как будто несла нечто запретное, нечто невероятно ценное. Каждый встречный вызывал у меня легкий испуг. Что, если они увидят? Что, если отнимут? Иррациональный, но сильный страх.

Мама встретила меня на кухне, помешивая что-то в кастрюле.

– О, вернулась! Как день? – спросила она, улыбаясь.

– Обычно, – ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.
– Я... я в комнате. Надо кое-что посмотреть.

– Ужин скоро, – напомнила она.

– Я быстро!

Я проскочила в свою небольшую комнату, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, как заговорщик. Сердце бешено колотилось. Вот он. Мой кусочек чуда. Я развернула ветровку. Серебристый цилиндр лежал на синей ткани, холодный и немой. Узоры переливались в свете настольной лампы, которую я тут же включила.

Теперь, в тишине и безопасности своей комнаты, я могла рассмотреть его по-настоящему. Я поставила его на стол, прямо под лампу. Свет лампы накаливания был теплым, желтоватым, и он играл на гранях узоров совершенно ина-

че, чем холодный люминесцент на почте. Тени были глубже, блики – ярче. Казалось, линии не просто лежали на поверхности, а *жили*. Они извивались, переплетались, создавая иллюзию бесконечного движения. Я водила пальцем вдоль одной особенно сложной спирали, теряя ее среди завитков и звездочек. Казалось, если долго смотреть, можно увидеть целый мир, зашифрованный в этом металле. Мир лесов из серебряных копий, рек из жидкого света, созвездий неизвестных звезд.

И снова это ощущение... Оно было сильнее здесь, в тишине. Едва уловимое. Не гудение, нет. Скорее, вибрация. Очень тихая, очень глубокая. Как будто внутри этого плотного, холодного металла что-то... пульсировало. Спало, но дышало. Я приложила ладонь к гладкому торцу. Холод металла проникал в кожу. Но сквозь холод – это еле заметное дрожание. Как сердцебиение спящего дракона.

Что внутри? Вопрос жужжал в голове, как назойливая муха, но теперь он звучал громче, настойчивее. Это не могло быть просто так. Не могло быть ошибкой. Такой предмет... он *должен* был содержать что-то необыкновенное. Сокровище? Карта? Послание? Что-то из тех книг, которые пылились на моей полке?

Я попробовала повернуть крышку. Пальцы скользили по идеально гладкому металлу. Никаких шансов. Я попыталась поддеть ее ногтем – бесполезно. Она была пригнана безупречно, без единого зазора. Я принесла из кухни неболь-

шой нож с тонким лезвием. Вставила кончик в едва различимую щель стыка. Нажала. Ничего. Металл был твердым, не поддавался. Я боялась поцарапать его, боялась повредить эти волшебные узоры.

Отчаяние начало подкрадываться. У меня в руках была дверь в неизведанное, а я не могла найти ключ! Я сжимала цилиндр в руках, вглядывалась в узоры у самого края крышки, ища хоть какую-то зацепку, хоть намек на механизм. И вдруг... мне показалось. Или не показалось? Один из крошечных завитков у самого края стыка... он выглядел чуть глубже? Чуть более рельефным? Как будто предназначенным для нажатия?

Сердце замерло. Я приставила подушечку указательного пальца точно к этому завитку. Он был холодным и твердым, как и весь цилиндр. Я надавила. Сначала осторожно. Потом сильнее.

Ничего.

Я вздохнула, почти рыдая от разочарования. Наверное, просто показалось. Игра света и тени на изысканной гравировке.

Я опустила цилиндр на стол, собираясь отойти, когда вдруг заметила нечто. Там, где был завиток, подушечка моего пальца оставила едва заметный теплый след. Маленькое пятнышко, быстро исчезающее на холодном металле. Как будто точка контакта.

Идея ударила меня с неожиданной силой. Что если... что

если нужно не давить, а... *держать*? Согреть это место? Как будто активировать?

Это было безумно. Наивно. Как в сказке. Но что мне терять? Кроме последних крох надежды на чудо в этой скучной жизни.

Я снова взяла цилиндр. Прижала подушечку пальца к тому самому, подозрительному завитку у края крышки. Крепко. И просто... держала. Смотрела на него. Чувствовала, как холод металла постепенно уступает теплу моей кожи. Секунды тянулись, как часы. В комнате было тихо, только тикали старые настенные часы в гостиной и доносился приглушенный стук маминых кастрюль на кухне.

Я уже готова была снова опустить руки, признать поражение, как вдруг...

Под пальцем что-то *щелкнуло*.

Тихий, четкий, металлический щелчок. Как звук крошечного, точного замка.

Я замерла, не веря своим ушам. Мои пальцы инстинктивно сжали цилиндр. И тогда я почувствовала: крышка больше не была пригнана намертво. Между ней и корпусом появился крошечный, едва ощутимый зазор.

Сердце колотилось так, что, казалось, вырвется из груди. Дыхание перехватило. Все мысли смешались в единый вихрь: «Получилось! Открылось! Что там? Что внутри?»

Я даже не помнила, как оказалась сидящей на кровати. Цилиндр лежал у меня на коленях. Мои руки, чуть дрожа,

обхватили корпус. Большие пальцы легли на крышку по обе стороны от того самого волшебного завитка. Глубокий вдох. И... медленно, с возрастающим усилием, я начала проворачивать крышку против часовой стрелки.

Металл слегка заскрипел, сопротивляясь после долгого покоя. Но сопротивление было недолгим. Крышка поддалась. И с еще одним, более глухим щелчком, она отъехала.

Я заглянула внутрь.

Глава 3

Щелчок.

Он отозвался не только в тишине комнаты, но и где-то глубоко внутри меня, эхом пробежав по нервам. Мои пальцы, все еще сжимавшие холодный металл цилиндра, дрогнули. Крышка больше не была частью единого целого. Тонкая, почти невидимая линия разделяла ее и корпус. Воздух замер в легких, сердце колотилось где-то в горле, готовое выпрыгнуть. Весь мир сузился до этого серебристого цилиндра, лежащего у меня на коленях, и узкой темной щели, зиявшей на его торце.

Что там?

Страх смешивался с неудержимым, жгучим любопытством. Страх перед неизвестным, перед возможностью разрушить это хрупкое чудо, оказавшееся в моих руках. Но любопытство... оно было сильнее. Оно гнало кровь быстрее, заставляло пальцы двигаться.

Я осторожно, с бесконечной нежностью, как будто держа яйцо дракона из старых сказок, перевернула цилиндр открытым концом вверх. Внутри была темнота. Непробудная, глубокая. Но что-то там было. Я различила смутные очертания, свернутые в плотный рулон. Темный материал, заполнявший почти все пространство цилиндра.

Вдох. Выдох. Я поднесла цилиндр ближе к свету настоль-

ной лампы, наклонила. Теперь было видно лучше. Внутри лежал сверток. Плотно скрученный, перевязанный тонким ремешком из того же темного материала. Сам материал... он был незнаком. Не бумага, не пергамент, не ткань. Что-то другое.

Руки снова задрожали, когда я попыталась извлечь сверток. Он сидел плотно, как будто вакуум держал его внутри. Пришлось слегка пошатать цилиндр, подцепить край свертка ногтем. Наконец, он поддался, скользнул наружу и упал мне на ладонь.

Я ахнула.

Вес. Он был легче, чем я ожидала, глядя на его объем внутри цилиндра, но при этом ощущалось некое... *плотное* присутствие. Как будто я держала не просто предмет, а сгусток неведомой энергии, аккуратно упакованный.

Но больше всего поразила *кожа*.

Потому что это была именно кожа. Я поняла это сразу, как только коснулась ее. Но какая! Она была невероятно тонкой, гибкой, но при этом прочной на ощупь, как хорошо выделанная замша премиум-класса, только в тысячу раз изысканнее. Цвет – глубокий, насыщенный коричневый, отливающий где-то шоколадом, где-то старинным деревом, а на свету – легким, теплым багрянцем. Но это было не главное.

Главное – текстура. Она была испещрена бесчисленными крошечными, едва ощутимыми выпуклостями. Не чешуйками, нет. Скорее, как будто под самым верхним слоем кожи

были вкраплены мельчайшие камешки или... звезды? Они образовывали причудливые узоры, россыпи, спирали, которые переливались под светом лампы, когда я поворачивала сверток в руках. Эти "звезды" были не одного цвета: одни светились едва уловимым серебром, другие – глубоким синим, третьи – теплым янтарным. Они создавали иллюзию глубины, словно я смотрела не на поверхность, а в миниатюрную, мерцающую вселенную.

И еще... она была *теплой*. Не той теплотой, что передается от рук, а собственной, внутренней. Как живое существо, только что уснувшее. И пульсация! Слабенькая, еле уловимая вибрация, ритмичная, как дыхание, шла от свертка сквозь мои пальцы в запястье. Это было не воображение. Я чувствовала это физически – легкую, настойчивую *жизнь*, скрытую в этом невероятном материале.

Сердце колотилось так, что звенело в ушах. Я осторожно положила цилиндр на стол, полностью сосредоточившись на свертке. Ремешок, перевязывавший его, был таким же темным, теплым и пульсирующим, как и сама кожа, и завязан на простой, но крепкий узел. Мои пальцы, все еще дрожа, нашли концы ремешка. Узел поддался легко. Я развязала его, и ремешок бесшумно соскользнул.

Настал момент.

Я взяла сверток за края. Он был туго скручен. Материал сопротивлялся, не желая распрямляться, словно сохраняя форму, заданную ему столетия назад. Мне пришлось прило-

жить некоторое усилие, осторожно разворачивая его на столе, прижимая ладонью, чтобы края не заворачивались обратно. Кожа была упругой, эластичной, но при этом казалась невероятно прочной. Ни малейшего намека на излом или повреждение от долгого скручивания.

И вот, он лежал передо мной. Развернутый во всю свою, оказавшуюся довольно внушительной, ширину. Стол едва вмещал его. Я отодвинула лампу подальше, чтобы свет падал равномерно.

Передо мной была *карта*.

Это стало очевидно сразу. Огромная, нарисованная или скорее *выделанная* на этой невероятной коже неизвестного зверя. Но это была карта, какую я никогда не видела и даже не могла вообразить.

Во-первых, материал. Ощущение тепла и слабой пульсации не исчезло. Оно шло от всей поверхности, делая карту не просто изображением, а живым, дышащим артефактом. "Звездные" вкрапления теперь были частью изображения, создавая фон, похожий на ночное небо, но гораздо более насыщенное и сложное.

Во-вторых, изображение. Никаких привычных очертаний материков, синих пятен океанов, пунктиров дорог или названий городов. Вместо этого – абстракция невероятной сложности. Карта была сплетена из линий. Тысяч, миллионов линий! Тончайших, как паутина, и широких, как речные русла; извилистых, как корни деревьев, и прямых, как стрелы; спи-

ралевидных и зигзагообразных. Они переплетались, пересекались, сливались в узлы, расходились веерами, образовывали причудливые фигуры, похожие то на снежинки, то на цветы, то на спиральные галактики. Цвета линий тоже поражали: изумрудные, сапфировые, кроваво-красные, мерцающие серебром и золотом, глубокие фиолетовые, нежные бирюзовые. Некоторые линии светились изнутри своим собственным, мягким светом, другие были матовыми, почти черными. Они покрывали всю поверхность кожи, создавая невероятно сложный, трехмерный ландшафт. Казалось, если долго смотреть, линии начинали двигаться, перетекать друг в друга.

Но это было еще не все. Среди этого хаотичного, но явно упорядоченного лабиринта линий были... точки. Или скорее, сгустки. Они тоже светились, но гораздо ярче линий. Одни были крошечными, как булавочные головки, другие – крупнее, размером с монету. Они горели разными цветами: ослепительно белым, теплым желтым, тревожным оранжевым, ледяным синим, мрачным черным (но черным, который как будто поглощал свет вокруг себя), нежным розовым. Эти цветные точки были рассеяны по всей карте неравномерно: где-то густыми россыпями, где-то поодиночке, где-то образуя причудливые созвездия. Некоторые были статичны, другие, если приглядеться, казалось, еле-еле мерцали, как далекие звезды.

И знаки. Повсюду были нанесены крошечные, изящные

знаки. Ничего похожего на знакомые буквы или цифры. Это были символы – сплетения кривых, острых углов, точек, завитков. Они выглядели одновременно древними и невероятно сложными, как письма высшей математики или магические руны из фантастических романов. Они были выбиты или выжжены прямо в коже, часто рядом с узлами линий или цветными точками, иногда прямо на них.

Я сидела, замороженная, не в силах оторвать взгляд. Моя пространственная память, мой главный талант, в который я никогда не верила по-настоящему, вдруг ожил с невероятной силой. Он не понимал, *что* это, но он жадно *фиксировал*. Структура линий, их пересечения, изгибы, плотность... Это была карта невероятной сложности, топология фантастического масштаба. Мой мозг автоматически начал искать закономерности, точки отсчета, оси симметрии (которых, казалось, не было), пытался разбить хаос на сектора, понять масштаб. Но это было невозможно. Ориентация? Где север? Где юг? Никаких привычных ориентиров. Ни океанов, ни горных хребтов, обозначенных условными значками. Только бесконечный, дышащий узор.

Я осторожно прикоснулась пальцем к одному из ярких белых пятен. Кожа под пальцем была чуть теплее, пульсация – чуть сильнее. Я провела пальцем вдоль изумрудной линии – она казалась гладкой, но подушечка пальца улавливала микроскопическую рельефность, словно линия была не нарисована, а выткана из чего-то. Я коснулась одного из загадочных

знаков — он был вдавлен в кожу, как тайное клеймо.

Что это? Карта чего? Вопрос висел в воздухе. Карта звездного неба, но слишком сложная? Карта магических потоков? Схема какого-то невообразимого механизма? Или... карта мира, но мира совершенно иного, с иными законами и иной топографией?

Моя комната с ее знакомыми обоями, книжной полкой, старым столом вдруг показалась тесной, бледной, ненастоящей. Весь мой мир «Дубков», Маршрут №7, скрип велосипеда — все это померкло перед реальностью этого артефакта, лежащего передо мной. Он был окном. Окном в нечто непостижимо большее, незнакомое, пугающее и манящее одновременно.

Я попыталась представить масштаб. Если эти линии — дороги или реки, то расстояния должны быть чудовищными. Если точки — города или места силы, то их разнообразие и расположение говорили о мире невероятной сложности. А знаки... они явно что-то обозначали. Названия? Предупреждения? Инструкции?

Я склонилась ниже, почти касаясь лбом теплой поверхности карты, вглядываясь в мельчайшие детали. Мой взгляд скользил по лабиринтам линий, цеплялся за яркие точки, пытался расшифровать нечитаемые символы. И чем дольше я смотрела, тем сильнее становилось ощущение, что карта... *реагирует*. Не явно, нет. Но мерцание точек казалось чуть более выраженным в тех местах, куда падал мой взгляд. Или

это был просто обман усталых глаз, ослепленных красотой и сложностью?

Вдруг, в самом центре карты, где линии сплетались в особенно плотный и сложный узел, окруженный множеством разноцветных точек, я заметила область. Она была неяркой, скорее темной, но не черной, а глубокой, как бархатная ночь. И в этой темноте мерцали крошечные, но невероятно яркие огоньки – не точки, а скорее искры. Сотни, тысячи искр, холодных и далеких, как... как плачущие звезды? А вокруг этой области, как кольцо или ореол, тянулась широкая полоса абсолютной, бездонной черноты. Черноты, которая, казалось, не просто отсутствовала, а *поглощала* свет и смысл вокруг себя. Черная дыра на карте неведомого мира. От нее веяло холодом и... безнадежностью? Это ощущение возникло внезапно и отчетливо.

Я инстинктивно отвела взгляд от этого места, словно оно могло обжечь. Перенесла его на другой участок – туда, где преобладали теплые желтые и розовые точки, а линии были плавными, извилистыми, похожими на реки. И там... там пульсация кожи под пальцами показалась чуть теплее, чуть успокаивающей. Или это мне опять показалось?

Я откинулась на спинку стула, отстраняясь от стола, пытаюсь охватить взглядом всю карту целиком. Голова кружилась от переизбытка информации, от невозможности понять. Но мой внутренний навигатор, моя пространственная память, работала на пределе. Она уже запомнила десятки ключевых

пересечений линий, форму крупных узлов, относительное положение самых ярких точек и той зловещей черной области в центре. Она создавала свою, внутреннюю, пока еще бессмысленную копию этого невероятного артефакта. Запоминала не названия, а структуру. Не смысл, а форму.

На столе лежал не просто кусок кожи с узорами. Лежал ключ. Ключ к чему-то огромному, чужому и невероятно важному. Я это чувствовала каждой клеточкой. Тепло, идущее от карты, смешивалось с жаром возбуждения во мне. Пульсация артефакта отзывалась учащенным стуком в висках.

"Алиса! Ужин!" – донесся из-за двери приглушенный, но настойчивый голос.

Я вздрогнула, как будто очнувшись от глубокого сна. Реальность – кухня, мама, ужин, завтрашний Маршрут №7 – навалилась тяжелой, серой пеленой. Я не могла оставить карту здесь, развернутой. Что, если мама зайдет? Как объяснить *это*?

С невероятным усилием воли я оторвалась от созерцания. Руки снова потянулись к карте. Теперь предстояло не менее сложное дело – свернуть ее обратно. Кожа сопротивлялась, края стремились распрямиться, узлы линий и выпуклости точек мешали сделать аккуратный рулон. Я боялась повредить ее, сломать какую-нибудь хрупкую, невидимую структуру. Осторожно, с бесконечным терпением, я начала скатывать карту, начиная с одного края, придерживая материал, чтобы он не морщился. Пульсация под пальцами казалась

теперь не просто теплом, а тихим, настойчивым *зовом*.

Когда, наконец, сверток был готов, я перевязала его тем же теплым, живым ремешком. Он послушно лег в цилиндр. Я поднесла серебристую крышку. Теперь она легко встала на место. Я надавила – щелчок, тихий и окончательный. Замокнулось. Чудо было снова запечатано.

Я держала холодный цилиндр в руках, но внутри меня все еще горел огонь от прикосновения к тайне. От тепла незнакомой кожи. От мерцания плачущих звезд на карте неизвестного мира. Скрип велосипеда, запах пыли, скука Маршрута №7 – все это было где-то далеко. Здесь и сейчас существовало только *это*. И я знала, что просто так оставить это я не смогу. Карта требовала внимания. Требовала понимания.

Но сейчас нужно было идти ужинать. Делать вид, что ничего не произошло. Я спрятала цилиндр под стопку книг на столе, глубоко вдохнула, стараясь унять дрожь в руках и бешеный стук сердца, и вышла из комнаты. На пороге я обернулась, бросив последний взгляд на стол, где под книгами лежала целая вселенная.

"Иду, мам!" – крикнула я, и голос мой прозвучал странно громко в тишине квартиры. Гораздо громче, чем стук моего сердца, все еще отбивавшего ритм пульсации той невероятной кожи.

Глава 4

Тишина. Густая, почти звенящая тишина моей комнаты после ужина. Мама уже спала, за стеной доносилось ее ровное, чуть храпящее дыхание. Я сидела за столом, приглушенный свет настольной лампы создавал островок тепла и тайны в ночи. Передо мной лежала Карта. Снова развернутая, снова дышащая своим странным теплом, мерцающая звездными вкраплениями и цветными линиями-реками. Цилиндр стоял рядом, холодный и молчаливый свидетель.

Весь вечер я пыталась. Пыталась найти хоть что-то знакомое. Угол, изгиб, сочетание линий, хоть отдаленно напоминающее очертания Европы или Азии из моего пыльного атласа. Мои пальцы скользили по теплой, пульсирующей коже, водили вдоль изумрудных и сапфировых линий, обводили причудливые узлы, где потоки сходились в бурлящие вихри энергии на карте. Ничего. Абсолютно ничего. Это был язык пространства, на котором я не умела читать. Мир, чья геометрия была вызовом моему пониманию.

Отчаяние, острое и горькое, подкатывало к горлу. Я сжимала кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Вот он, величайший артефакт, попавший мне в руки, ключ к неизведанному – и я не могу понять даже азов! Моя пространственная память, мой единственный козырь, фиксировал безумные узоры с фотографической точностью, но не давал ключа к их

значению. Это было как запомнить каждую ноту симфонии, не слыша самой музыки.

С отчаянной надеждой я снова уставилась на ту область, что привлекла меня в первый раз – на темный бархатный океан в центре, усеянный тысячами холодных, ярких искр, как плачущие звезды. И на то зловещее кольцо абсолютной черноты, что окружало ее, поглощающее свет и, казалось, саму надежду. Может быть, это центр? Может, отсюда нужно начинать? Я протянула указательный палец, намереваясь проследить путь от этой черной бездны к какому-нибудь яркому, теплomu скоплению желтых и розовых точек на периферии. Может, это путь? Может, дорога?

Мой палец коснулся холодного скопления звездочек на краю черного кольца. И в этот миг...

Вспышка.

Не просто свет. Ослепительный, всепоглощающий, лунный свет. Он вырвался не из-за окна, а прямо из-под моего пальца, из самой Карты! Холодный, серебристо-белый, невероятно яркий. Он ударил мне в глаза, как нож, заставив вскрикнуть от неожиданности и боли. Я инстинктивно рванула руку назад, но было поздно.

Свет не просто светил. Он... завихрился. Мгновенно.словно жидкое серебро, вырвавшееся на свободу, начало кружиться с бешеной скоростью прямо над поверхностью Карты, образуя воронку. Воронку света, которая росла с каждой микросекундой, заполняя все поле зрения. Тишину ком-

наты разорвал нарастающий, оглушительный гул – низкий, вибрирующий, пронизывающий до костей. Воздух вокруг меня заколебался, завибрировал, стал плотным, как сироп.

Я в ужасе отпрянула, стул с грохотом опрокинулся назад. Я хотела крикнуть, позвать маму, но звук застрял в горле, сдавленный нарастающим давлением. Световая воронка уже была выше меня, шире стола. Ее серебристые спирали вращались с невообразимой скоростью, затягивая в себя пылинки, клочки бумаги со стола, волосы с моих висков. В ее центре зияла не просто чернота, а какая-то иная, пульсирующая, бездонная темнота.

Портал.

Мысль мелькнула, дикая и невероятная, но другой логики не было. То, о чем я читала в книгах. То, о чем мечтала в самые смелые свои фантазии.

И он затягивал меня.

Невидимая, чудовищная сила схватила меня за грудь, за ноги, за волосы. Я попыталась ухватиться за край стола, но пальцы скользнули по гладкому дереву. Мои ноги оторвались от пола. Воздух вырвался из легких в немом крике. Я полетела. Нет, меня понесло. Прямо в сердце этой безумной, ревущей серебряной воронки.

Вихрь.

Все смешалось в какофонии света, звука и невероятной скорости. Я кувыркалась в потоке ослепительного серебра. Холодный ветер, не природный, а какой-то искусственный,

ледяной и режущий, рвал одежду, слепил глаза. Гул превратился в оглушительный рев, в котором звенели тысячи колокольчиков и скрежетали миллионы шестеренок. Давление сжимало тело со всех сторон, выжимая последний воздух, грозя раздавить кости. Я не падала – я летела сквозь туннель, сплетенный из чистой, безумной энергии.

И сквозь мелькающие стены света мелькали... видения. Смазанные, невероятные, как кадры из самого безумного фильма. Миг – и я пролетаю сквозь кроны гигантских деревьев, но не зеленых, а светящихся изнутри фиолетовым и изумрудным светом. Миг – и подо мной проплывает бескрайнее море, но не воды, а зыбучего песка, переливающегося всеми оттенками золота и охры. Миг – и я вижу город, но город-призрак, сложенный из кристаллов, ловящих и преломляющих свет миллионами радуг. Миг – и огромный летающий остров, парящий в розовом небе, опоясанный радугой, как мостом. Все это проносилось с бешеной скоростью, мелькало и исчезало, оставляя лишь ощущение головокружения и абсолютной, потрясающей нереальности. Я видела тени существ – изящных, длинноногих, с острыми ушами? – мелькавших среди светящихся стволов. Слышала отрывки звуков – неземное пение, рычание, похожее на скрежет камней, звон, похожий на хрустальные колокольчики.

Я не могла дышать. Не могла мыслить. Я была мячиком, затянутым в водоворот иного мира. Страх парализовал, но сквозь него пробивалось дикое, неконтролируемое любо-

пытство. *Куда? Что это? Где я?*

Длилось это вечность. Или мгновение. Время потеряло смысл в этом безумном вихре.

И вдруг – прекращение.

Свет погас. Гул оборвался, как перерезанная струна. Невидимая сила, несшая меня, исчезла.

Я упала.

С высоты. Не очень большой, но достаточной. Я врезалась во что-то мягкое, но плотное и упругое. Воздух с хрипом вырвался из моих легких. Боль – острая, огненная – пронзила бок, плечо, бедро. Я кувыркнулась, запутавшись в собственных руках и ногах, и замерла, распластавшись на спине, задыхаясь. В ушах звенело так, что заглушало все остальные звуки. Язык во рту был сухим, как пыль. Глаза зажмурены от боли и ослепляющего послесвечения того лунного кошмара.

Первое, что я почувствовала, когда смогла сделать хоть какой-то вдох, был воздух. Он ворвался в мои сжатые легкие – и это было нечто невообразимое. Сладкий. Насыщенный. Богатый ароматами, которых я никогда не нюхала. Свежескошенной травы, но в тысячу раз ярче и чище. Цветущих садов, но с нотками экзотических плодов и неизвестных цветов. Влажной земли после дождя, но с примесью... озонной свежести грозы и чего-то металлического, как холодное серебро. И еще – тонкий, едва уловимый аромат, похожий на жасмин, смешанный с хвоей и свечами. Этот воздух не просто наполнял легкие – он оживлял. Каждый глоток был глот-

ком чистой, дикой энергии. Он пах... волшебством. Так, как я всегда интуитивно представляла его запах.

Постепенно звон в ушах начал стихать. И на его место пришли звуки. Не гул города или скрип велосипеда. А тихий, многоголосый шепот. Шелест листьев, но какой-то... мелодичный. Как будто тысячи крошечных колокольчиков звенят на ветру. Пение птиц – незнакомых, с переливчатыми, флейтовыми трелями. Журчание воды где-то близко – чистое, как хрусталь. И еще... звон. Не в ушах. В самом воздухе. Высокий, чистый, вибрирующий гул, как будто гигантский хрустальный купол тихо поет под солнцем. Он висел фоном, наполняя все вокруг ощущением незримой силы, пульсирующей в самом мире.

Боль в боку и плече была реальной, острой. Я пошевелилась, застонав. Все тело ныло, как после драки. Я осторожно открыла глаза.

Сначала я увидела лишь размытое пятно цвета. Яркое-зеленое. Слишком яркое для привычного мне леса. Я моргнула, пытаюсь сфокусироваться.

Стволы. Гигантские, невероятной толщины. Они уходили ввысь, теряясь где-то далеко-далеко в сияющем мареве. Но это были не знакомые дубы или сосны. Их кора... светилась. Слабым, но отчетливым светом. Одни стволы мерцали нежным фиолетовым сиянием, другие – глубоким изумрудным, третьи – теплым янтарным. Свет пульсировал, как будто деревья дышали светом. Он не был резким, скорее мягким све-

чением изнутри, освещающим глубокие борозды на коре и причудливые наросты, похожие на окаменевшие волны.

Я медленно повернула голову, преодолевая боль в шее. Над головой, вместо привычного голубого неба или ночного бархата, раскинулся полог. Не просто листва. Это был сплошной ковер из огромных листьев и цветов невероятных форм и размеров. Листья были не только зелеными. Они переливались всеми оттенками синего, красного, золотого, серебряного. Некоторые были прозрачными, как витражное стекло, и сквозь них лился свет, окрашивая все под ними в фантастические цвета. Цветы, размером с мою голову, свисали гроздьями, похожие на фонарики из тончайшего фарфора, испускавшие собственное, мягкое сияние – белое, розовое, голубое. Воздух между ними мерцал, как будто наполненный живой пылью или микроскопическими светлячками.

Солнечные лучи (или то, что их заменяло здесь) пробивались сквозь этот живой, светящийся потолок длинными, косыми лучами. Они были не желтыми, а золотыми и серебристыми одновременно, и в них танцевали мириады пылинок, сияющих, как алмазная крошка.

Я лежала на толстом слое мха. Но это был не обычный мох. Он был мягким, как плюш, и переливался всеми оттенками изумрудного и бирюзового. Каждая травинка, каждая крошечная веточка казалась выточенной из драгоценного камня. Он был теплым на ощупь и источал тот самый слад-

коватый, свежий аромат, который я почувствовала первым.

Тишина... Нет, не тишина. Шелест-мелодия, птичьи трели, хрустальное журчание воды и вездесущий высокий чистый звон магии в воздухе. Это был звук жизни. Яркой, незнакомой, пугающе красивой.

Я осторожно приподнялась на локтях. Боль в боку снова кольнула, но любопытство было сильнее. Моя рука судорожно сжала что-то мягкое и теплое рядом со мной. Карта. Она упала вместе со мной. Я машинально прижала ее к груди, свернутую в рулон, все еще излучающую свое тепло. Цилиндра не было видно. Наверное, остался там, в комнате, на столе под книгами. Или... затерялся в вихре.

Я огляделась, медленно поворачивая голову. Светящиеся деревья-исполины. Сияющий полог из листьев и цветов-фонарей. Изумрудный мох подо мной, образующий мягкий ковер. Воздух, сладкий и звонкий. И никого. Ни души. Только я, больная, перепуганная, с куском незнакомой кожи в руках, в самом сердце этого невероятного, дышащего светом леса.

Это был не сон. Боль была слишком реальной. Воздух был слишком сладким и странным. Свет был слишком чужим и прекрасным.

Лунный вихрь принес меня сюда. В мир, нарисованный на Карте. В мир, где кора деревьев светилась, а воздух звенел магией.

Я была в Этерии.

И пути назад не было.

Глава 5

Я лежала на изумрудном мху, прижимая к груди теплый сверток карты, и пыталась дышать. Не просто вдыхать этот сладкий, звонкий воздух Этерии, а *дышать* сквозь ком паники, сжимавший горло. Сердце колотилось, как бешеное, ударяя в ребра, отдавая болью в ушибленном боку. Этерия. Слово, рожденное где-то в глубинах интуиции при взгляде на Карту, теперь было реальностью. Холодной, ослепительной, пугающей реальностью.

Страх требовал зажмуриться, свернуться калачиком и ждать, пока это безумие не кончится. Но любопытство – то самое, что заставило меня развернуть Карту и ткнуть в нее пальцем – оказалось сильнее. Оно заставляло меня открывать глаза, сквозь пелену слез от боли и шока, и *смотреть*.

Деревья. Они были первым и самым неоспоримым доказательством того, что я не в «Дубках». Гиганты. Исполины. Их стволы, шириной с небольшой дом, уходили ввысь, теряясь в сияющем хаосе полога. Но не размер поражал. Свет. Кора каждого дерева светилась изнутри собственным, приглушенным сиянием. Один исполин неподалеку мерцал глубоким, бархатным фиолетовым светом, его борозды и наросты отливали аметистом. Другой, чуть поодаль, горел нежным, теплым янтарем, словно в его сердцевине тлело солнце. Третий – чистым, холодным изумрудом, освещая мох у

своего подножия призрачным зеленым светом. Этот свет не был статичным. Он пульсировал. Медленно, ритмично, как дыхание спящих колоссов. И с каждым пульсом по стволу пробегали волны чуть более яркого свечения, ненадолго высвечивая причудливые узоры на коре или скопления огромных, влажно блестящих грибов у основания.

Полог над головой был небом и крышей одновременно. Не листья – полотно чуда. Огромные, в несколько метров шириной, листья-лопухи переливались всеми оттенками синего и пурпура, некоторые были полупрозрачными, как витражи, и сквозь них лился свет, окрашивая все внизу в фантастические цвета: сиреневые пятна, золотые полосы, изумрудные тени. Между ними свисали гроздья цветов-фонарей: хрустальные кубки, излучавшие мягкий белый свет; бархатные шары, светившиеся изнутри розовым; колокольчики из тончайшего фарфора, звенящие (или мне казалось?) голубым сиянием. Воздух между ними не был пустым. Он мерцал. Мириады крошечных, светящихся искр – золотых, серебряных, бирюзовых – танцевали в солнечных (лунных? магических?) лучах, как живая пыль. Они порхали, сталкивались, рассыпались веерами брызг, создавая ощущение, что сам воздух насыщен жизнью и светом.

Звуки. Шелест был не просто шелестом. Это была мелодия. Тысячи листьев, струн какого-то невидимого инструмента, перешептывались, поскрипывали, звякали на ветру – и вместе это сливалось в сложную, успокаивающую сим-

фонию. Пение птиц – незнакомое, флейтовое, с переливами, которые заставляли кожу покрываться мурашками. Где-то журчал ручей или водопад – звук был таким чистым, хрустальным, что казалось, он смывает всю грязь мира. И над всем этим, сквозь все это – тот самый высокий, чистый звон. Не в ушах. В самой ткани мира. Вибрация, наполняющая пространство, как гул гигантского камертона. Звон магии. Он был вездесущ, как воздух, и так же необходим этому месту.

Красота была ошеломляющей. Сюрреалистичной. Она давила. Я чувствовала себя букашкой, забредшей в собор, построенный титанами для богов. И это ощущение крошечности, потерянности подстегнуло панику, которая лишь притихла на мгновение.

Дом. Мама. Почта. Велосипед. Мысли метались, как перепуганные птицы. *Как я сюда попала? Как вернуться?* Я судорожно села, вжавшись спиной в теплую, пульсирующую фиолетовым светом кору ближайшего дерева. Боль в боку кольнула остро, заставив застонать. Цилиндр! Где серебристый ключ? Я огляделась дико, шаря руками по мягкому мху. Ничего. Только переливающиеся травинки и пара увядших светящихся цветочков. Он остался там. На столе. В моей комнате. В моем мире. Без него... Без него я заперта здесь. Мысль ударила, как обухом по голове. Дыхание перехватило. Слезы снова защемили глаза.

Но у меня была Карта. Я сжала сверток в руках, чувствуя

знакомое тепло, исходящее от него, слабую, успокаивающую пульсацию. Она была здесь. Моя единственная связь с... с чем? С этим местом? С возможностью понять? С возможностью *выжить*?

Инстинкт выживания начал пробиваться сквозь панику. Я не могла просто сидеть здесь. Этот лес, при всей своей красоте, дышал дикостью. Незнакомые звуки... Вдалеке, сквозь мелодию листьев и птичье пение, донеслось низкое, протяжное рычание. Глухое, как перекаты камней под землей. Оно шло не с земли, а словно сверху, с какого-то из ярусов свещающегося полога. Потом – резкий, скрежещущий крик, пролетевший над головой и стихший где-то справа. Мне стало холодно, несмотря на теплый воздух.

Нужно двигаться. Найти воду. Найти... что? Укрытие? Помощь? Я понятия не имела. Но сидеть на месте, как легкая добыча, было хуже.

С дрожащими руками я развернула Карту. Кожа неизвестного зверя была теплой, как живая, звездные вкрапления на ее поверхности слабо мерцали даже в ярком, разноцветном свете леса. Я положила ее перед собой на мох, осторожно расправляя края. И в этот момент...

Она ожила.

Не так, как раньше, когда я просто видела ее сложные узоры. Нет. Буквально. Линии, которые я запомнила, как абстрактные потоки энергии, вдруг *задвигались*. Но не физически. Они засветились. Ярko, ясно, как неоновые трубки под

напряжением. И не просто светом. Цветом. Но это были не просто цвета. Это были... эмоции.

Весь знакомый лабиринт линий теперь был пронизан пятнами и всполохами чистого чувства:

Синий. Глубокий, холодный, как омут. Пятна горя, печали, утраты. Они висели тяжелыми каплями на некоторых переплетениях линий, пульсировали мрачным светом. Одно такое большое пятно синело прямо... прямо на том месте, где я сидела? Или чуть левее?

Красный. Яркий, тревожный, как кровь или пожар. Вспышки страха, ярости, агрессии. Они метались, как искры, по некоторым линиям, сгущались в узлах. Одно особенно яркое красное пятно пульсировало где-то вдалеке, в том направлении, откуда доносилось рычание. Другое, поменьше, но четкое – правее меня, метрах в пятидесяти.

Желтый. Теплый, солнечный, как мед. Редкие искорки радости, спокойствия, надежды. Маленькие, но такие яркие и желанные среди синевы и багреца. Одна такая искорка теплилась недалеко, чуть впереди по тому пути, куда я смотрела.

Зеленый. Спокойный, глубокий, как лесная чаща. Оазисы мира, безопасности, гармонии. Небольшие, но устойчивые пятна. Одно из них, слабое, но отчетливое, светилось впереди и слева, за изгибом фиолетового древесного ствола.

Черный. Абсолютный, пожирающий свет. Не пятно – бездна. Она зияла где-то далеко-далеко, на краю Карты, как гигантская черная дыра. От нее веяло таким холодом отчая-

ния, забвения, что мне захотелось отвернуться. Это было то самое место из центра Карты, место плачущих звезд и поглощающей тьмы. Оно было здесь. В этом мире. И оно было огромным.

Я поняла. Мгновенно, интуитивно, без слов. Это была не карта дорог или рек. Это была карта чувств. Эмоциональный ландшафт Этерии. Ее душа, прорисованная в реальном времени. Горе, страх, радость, мир – все светилось на этой теплой коже, как диагноз живого организма.

И мой дар... Моя проклятая, бесполезная в «Дубках» пространственная память и интуитивное чувство пути... они заработали. Здесь. С этой Картой. Я смотрела на синее пятно под собой/рядом – ощущение потерянности, страха? Да. На красное пятно вдалеке – явная угроза. На желтую искорку – что-то хорошее, но маленькое. И на зеленое пятно – слабое, но безопасное. Островок спокойствия в этом светящемся, но чужом и потенциально опасном лесу.

Мой мозг, уже зафиксировавший абстрактную структуру Карты, теперь накладывал на нее эту эмоциональную топографию. Линии стали путями. Пересечения – развилками. Узлы – местами силы или конфликта. Я *видела* не просто красивые линии. Я видела потоки. Потоки горя, идущие туда. Потоки страха, сгущающиеся здесь. Дорогу надежды, тоненькую ниточку к желтой искорке. И путь к зеленому островку спокойствия – он был не прямым. Нужно было обойти синее пятно (мое собственное горе/страх?), держаться по-

дальше от того красного сгустка справа, идти вдоль изумрудной линии, которая светила ровным, нейтральным светом.

Это было не знание. Это было чувство. Четкое, как утренний свет. Как будто Карта шептала мне на языке пространства и эмоций: *"Опасно здесь. Опасно там. Иди сюда. Вот путь."*

Я вдохнула. Воздух Этерии снова наполнил легкие – сладкий, звонкий, пахнувший неизвестными цветами и магией. Но теперь в нем был и запах страха – моего собственного, и надежды – от зеленого пятна на Карте.

Я осторожно свернула Карту, чувствуя ее живое тепло сквозь материал свертка. Она была моим компасом. Моим единственным шансом. Без цилиндра я была заперта здесь. Но с Картой... с Картой я могла *чувствовать* этот мир. Находить путь. Выжить.

Рычание вдалеке повторилось, ближе. Красное пятно на мысленной Карте в моей голове пульсировало тревожнее.

Время сидеть кончилось.

Я встала, преодолевая боль в боку и трясущиеся ноги. Опираясь на теплый, фиолетово пульсирующий ствол, я огляделась, сверяясь с тем, что только что *увидела* и *почувствовала* на Карте. Направление к зеленому пятну... Туда. За гигантский янтарно светящийся ствол, вдоль ручья, журчание которого я слышала.

Я сделала первый шаг. Мох мягко пружинил под ногой. Искры в воздухе отпрянули, рассыпавшись золотым дождем.

Высокий звон магии, казалось, на мгновение стал чуть громче.

Мое первое путешествие по Этерии началось. С трясущимися коленками, с болью в боку, с комом страха в горле, но с теплой Картой в руках и зеленой точкой надежды в сердце. Я шла по лесу, сплетенному из света и теней, слушая его мелодию и шепот своей интуиции, которая наконец-то обрела смысл.

Глава 6

Карта в моих руках была теплой и живой, ее слабая пульсация едва ощущалась сквозь сверток, но это ощущение стало якорем. Ярко-зеленое пятно спокойствия на ее эмоциональном ландшафте манило, как маяк в шторм. Это был мой единственный ориентир в этом ослепительном, поющем, пугающем безумии.

Я сделала первый шаг. Изумрудный мох пружинил под ногой, мягкий и упругий, как дорогой ковер. Воздух, насыщенный сладкими, незнакомыми ароматами и звоном незримой магии, обволакивал меня. Каждый вдох был глотком чистой, дикой энергии, но он же наполнял легкие тревогой. Я двигалась медленно, осторожно, прижимая Карту к груди одной рукой, другой опираясь на стволы светящихся деревьев. Их кора была теплой под ладонью, а пульсация фиолетового, янтарного, изумрудного света казалась живым сердцебиением гигантов.

Держа путь к зеленому пятну, я старалась идти вдоль ручья, журчание которого доносилось слева. Его звук был чище любого родника дома, словно кто-то переливал хрустальные шарики. Сквозь щели в светящемся пологе пробивались лучи, создавая движущиеся пятна золота и серебра на мху и причудливых грибах. А грибы здесь были... огромными. Некоторые, как бледно-голубые зонтики, достигали мне по

пояс, их шляпки испускали собственное, призрачное сияние. Другие, похожие на кораллы, гроздьями висели на стволах, мерцая розовым и оранжевым. Я обходила их стороной, инстинктивно опасаясь всего незнакомого.

Жизнь. Она кипела повсюду, но не так, как в лесах дома. Не просто птицы и насекомые. Искры. Мириады крошечных светящихся созданий, похожих на ожившие капельки света, порхали в воздухе. Золотые, серебряные, бирюзовые, они танцевали в лучах, сталкивались, рассыпались брызгами, оставляя за собой короткие светящиеся следы. Некоторые садились на мох или на мою руку – легкое, теплое прикосновение, как падение солнечного зайчика, – и тут же взмывали вверх. Их присутствие делало воздух вибрирующим, живым.

А еще были бабочки. Но какие! Крылья размером с мою ладонь, переливающиеся всеми цветами радуги, как опал. Одни были прозрачными, как стеклышки, с прожилками чистого света внутри. Другие – бархатистыми, с узорами, словно вытканными из звездной пыли. Они порхали медленно, величаво, и от них исходил тонкий, сладковатый аромат. Одна, огромная, с крыльями глубокого сапфирового цвета, села на сияющий голубой гриб прямо передо мной. Она медленно раскрывала и закрывала крылья, и с каждым движением казалось, что в воздухе рассеивается мелодичный звон, сливающийся с общим гудением леса.

Но не все было так безмятежно. Время от времени Кар-

та в моих руках подавала сигнал. Я развернула ее чуть-чуть лишь для того, чтобы мельком взглянуть на эмоциональный ландшафт. Впереди, на пути, который казался мне прямым, вспыхнуло небольшое, но яркое красное пятно. Страх. Агрессия. Опасность. Не раздумывая, я свернула вправо, углубившись в чащу между двумя огромными изумрудно-светящимися стволами. Мой внутренний компас, моя пространственная память, уже начал строить карту местности в голове, отмечая повороты, характерные деревья, излучины ручья. Теперь я накладывала на эту карту сигналы Карты. *Красное пятно – здесь. Обойти.*

Через несколько минут я наткнулась на то, что вызвало тревогу. Поляна мха была взрыта. Глыбы переливающегося изумрудного покрова вывернуты, разбросаны. Крупные, тяжелые следы, похожие на отпечатки копыт, но слишком большие, уходили в чащу. На стволе ближайшего дерева, на высоте моей груди, зияли глубокие царапины, как будто что-то огромное точило когти. Кусочки коры светились тревожным, угасающим красным – Карта показывала остаточную энергию страха или ярости. Я замерла, прислушиваясь. Только шепот листьев и журчание воды. Но холодок пробежал по спине. Что-то здесь дралось. Или охотилось. Я ускорила шаг, стараясь идти как можно тише, оглядываясь через плечо.

Карта вела. Я чувствовала это всем нутром. Теплое пятно зеленого спокойствия становилось чуть ярче, чуть ближе. А

потом я услышала новое журчание – громче, веселее. И почувствовала свежесть. Я пробиралась сквозь заросли гигантских папоротников, чьи вайи светились нежным перламутром, и вышла к нему.

Ручей. Но не просто ручей. Лента жидкого хрусталя, струившаяся по гладким, отполированным временем и водой камням, которые сами по себе переливались мягким внутренним светом – розоватым, голубоватым. Вода была абсолютно прозрачной, и в ней тоже мерцали крошечные искорки жизни, как подводные светлячки. Воздух здесь был еще чище, звонче, напоен свежестью и озоном. И над всем этим висел легкий, прохладный туман, переливающийся всеми цветами радуги в косых лучах солнца, пробивавшихся сквозь полог.

И тут Карта подтвердила: зеленое пятно было здесь. Ощущение спокойствия, безопасности, наполняло эту небольшую поляну у воды. Я опустилась на колени у самой кромки, осторожно окунула руку в воду. Она была прохладной, но не ледяной, и удивительно мягкой на ощупь. Я зачерпнула ладонью, с жадностью выпила. Вода! Чистейшая, сладковатая, с легким привкусом минералов и... чего-то цветочного. Она оживила меня, смыла часть страха и усталости.

Рядом с водой росли кусты. Необычные. Их листья были похожи на тонкие пластинки малахита, а на ветвях висели гроздья ягод. Ягоды размером с виноградину, но переливались всеми оттенками синего и фиолетового, как сапфиры

или аметисты. Они светились изнутри мягким сиянием. Карта не показывала на них красного – страха, опасности. Наоборот, рядом с ними теплилось легкое желтое пятнышко – радость? Удовольствие? Надежда? Я вспомнила книги о выживании: неизвестные ягоды могут быть ядовиты. Но голод, усиливающийся с каждой минутой, и доверие к Карте пересилили осторожность. Я сорвала одну. Кожица была упругой. Я раздавила ее осторожно между пальцами. Сок – темно-фиолетовый, с тем же сладковатым цветочным ароматом, что и вода. Я лизнула каплю. Сладко! Напоминало чернику, но с нотками чего-то экзотического, неземного. Я съела ягоду целиком. Вкус взорвался во рту – насыщенный, сладкий с легкой кислинкой, невероятно свежий. Никакого жжения, никакого странного послевкусия. Только прилив сил и тепла. Я сорвала еще горсть, съела жадно, запивая хрустальной водой. Это была первая пища Этерии. И она была волшебной.

Солнечные лучи начали менять угол, становиться длиннее, золотистее. В воздухе закружилось больше светящихся искр, как будто лес просыпался для вечернего танца. Но с этой красотой пришло и осознание: ночь. Скоро ночь в этом незнакомом, светящемся лесу. Страх вернулся, холодный и липкий. Где спать? Чем защититься? Красные пятна на Карте не исчезли, они лишь притихли, но могли проснуться в темноте.

Мой взгляд упал на деревья. На гигантские, светящиеся деревья. У основания одного, с особенно толстой и рельеф-

ной корой мерцающего янтаря, между массивными корнями, образующими естественную арку, было небольшое углубление. Почти пещера. Но Карта рядом с ним показывала легкую синеву – печаль? Опасность? Непонятно. А вот на развилке мощных ветвей другого дерева, на высоте примерно трех метров, Карта показывала нейтральную зону. Ни красного, ни синего. И главное – высоко.

До темноты оставалось мало времени. Я свернула Карту, заткнула ее за пояс своей простенькой куртки (как же неуместно выглядела тут моя обычная одежда!) и подошла к дереву-великану. Кора была шершавой, с удобными выступами и трещинами. Я помнила каждую деталь с первого взгляда – моя пространственная память уже зафиксировала путь наверх. Но страх высоты и боль в ушибленном боку и плече делали подъем адом. Я цеплялась, скреблась, сбивая ногти, чувствуя, как мышцы горят от непривычной нагрузки. Каждый метр давался с трудом. Сверчки-искры кружили вокруг, как будто подбадривая или наблюдая за глупой двуногой.

Наконец, я втащилась на широкую, почти горизонтальную развилку. Здесь было достаточно места, чтобы сидеть, даже лечь, свернувшись калачиком. Стволы сходились, образуя естественную спинку. Я была высоко. Выше большинства кустов, выше опасных грибов. Отсюда открывался потрясающий вид на часть леса: светящиеся стволы, как колонны собора, мерцающий полог, по которому теперь пробега-

ли волны более интенсивного свечения – вечерний «пульс» Этерии. Искры в воздухе стали ярче, их стало больше, они кружили медленнее, создавая живой, светящийся занавес.

Но с высотой пришел и холод. Теплый днем воздух быстро остывал. Моя тонкая куртка не спасала. Я съела еще несколько сине-фиолетовых ягод, но они лишь ненадолго согрели изнутри. Страшно. Было чертовски страшно. Каждый шорох внизу, каждый незнакомый звук – а их становилось больше, странных щелчков, переливчатых трелей, далеких, непонятных криков – заставлял сердце бешено колотиться. Я вжалась в развилку, стараясь стать как можно меньше, невидимой.

Я достала Карту. Развернула ее чуть-чуть. В сумерках она светилась сама по себе. Ее линии мягко пульсировали знакомыми цветами. Зеленое пятно спокойствия было все еще рядом, внизу, у ручья. Но теперь оно казалось таким далеким. Красные пятна притихли, но не исчезли. Черная бездна на краю Карты по-прежнему зияла холодом. Но над моим маленьким укрытием... было спокойно. Нейтрально. Карта словно говорила: *"Здесь, пока, безопасно."*

Ее слабое, теплое свечение в темноте стало моим маленьким утешением. Я прижала ее к себе, как ребенок прижимает плюшевого мишку в темной комнате. Ее пульсация совпадала с моим учащенным сердцебиением, постепенно успокаивая его.

И тогда, в этой вынужденной неподвижности, на холодной

развилке светящегося дерева, глядя на мерцающий, незнакомый мир внизу, меня накрыло. Не страх. Не голод. Тоска. Острая, режущая, как нож.

Дом. Запах маминых оладий. Скрип старого велосипеда на гравии. Унылый, но такой родной голос тети Вали: «Алиска, все?». Теплая кровать. Знакомые звезды за окном (настоящие звезды, а не светящиеся искры или точки на Карте). Даже Петр Иванович с его вечным бурчанием. Даже Маршрут №7 с его пылью и скукой. Дом. Обычный, скучный, серый, безопасный дом.

Слезы потекли сами, горячие и соленые, по щекам, смешиваясь с пылью коры. Я тихо всхлипывала, стараясь не шуметь, сжимая Карту, этот теплый кусок чужой кожи – единственное, что у меня осталось. Я была здесь одна. Совершенно одна. В мире, где деревья светятся, воздух звенит, а вода пахнет цветами. В мире, полном незнакомых опасностей и чудес, которые пугали своей непостижимостью.

Я смотрела вниз, на танцующие искры, на слабое мерцание грибов, на темные проходы между исполинскими стволами, и шептала в ночь, настолько тихо, что слышала только я сама:

– Мама... Я хочу домой...

Но дом был где-то за вихрем лунного света. За гранью понимания. А здесь была только я. Высоко на дереве. С Картой в руках. И с тоской, которая горела в груди ярче любого светящегося цветка Этерии. Ночь только начиналась.

Глава 7

Холодная, неудобная развилка светящегося дерева так и не стала домом. Ночь в Этерии оказалась долгой, звонкой и леденяще холодной. Я дрожала, прижимая к себе Карту – ее слабое тепло и пульсация были единственными утешителями в этом море незнакомых звуков и светящихся теней. Тоска по дому грызла изнутри, острее голода, смешиваясь со страхом перед грядущим днем. Что дальше? Куда идти?

С первыми проблесками странного, серебристо-розового утра, пробивавшимися сквозь полог, я слезла с дерева. Каждая мышца ныла, кости скрипели, ушибленный бок напоминал о себе тупой болью при каждом движении. Но сидеть и ждать чуда было бессмысленно. Я развернула Карту. Зеленое пятно спокойствия у ручья все еще светилось, но теперь казалось... обыденным. Как будто его безопасность была лишь временной передышкой. Мне нужно было больше. Направление. Цель.

Я снова направилась к ручью, напилась его хрустальной воды, съела еще горсть сине-фиолетовых ягод (моя «сапфировая» диета). Они давали энергию, но не ответы. Куда? К черной бездне на краю Карты? Нет, от нее веяло таким холодом отчаяния, что даже мысль о приближении вызывала тошноту. К большим скоплениям желтых точек радости? Но они были далеко, и путь к ним лежал через обширные синие

зоны горя и красные пятна страха.

Я решила двигаться вдоль ручья вверх по течению. Вода – источник жизни, она могла привести к чему-то большему. Озеру? Поселению? Хотя, что я знала о поселениях в этом мире светящихся деревьев и поющих листьев?

Карта была моим постоянным спутником. Я шла медленно, осторожно, держа ее чуть приоткрытой, сверяясь каждые несколько шагов. Моя пространственная память строила карту местности: излучина ручья здесь, огромный гриб-исполин там, поваленный светящийся ствол, образующий мост впереди. А Карта накладывала на эту карту эмоции. *Здесь – нейтрально. Там – легкая синевя печали, обойти стороной. Впереди – крошечное красное пятнышко, возможно, гнездо чего-то агрессивного, лучше свернуть.*

Я углубилась в чащу, где светящиеся стволы стояли плотнее, а полог почти не пропускал света. Воздух был гуще, насыщен влагой и странными, землистыми запахами. Искр-светлячков здесь было меньше, зато чаще встречались огромные, бледно-лиловые грибы, испускавшие призрачное сияние и тонкий, пыльный аромат. Я шла, прислушиваясь к каждому шороху, к каждому щелчку или трели, пытаюсь уловить в них смысл. Шелест листьев казался теперь не мелодией, а настороженным перешептыванием.

Именно в этом месте, где тени сгущались, а Карта передо мной вдруг вспыхнула тревожными цветами, это и случилось.

Я как раз остановилась, вглядываясь в узор линий. Прямо на моем пути сгустилось пятно – не ярко-красное, а темно-багровое, почти черное. Страх и горе. Смешанные, густые, как запекшаяся кровь. А вокруг него – россыпь мелких красных искр. Опасность. Множественные источники. Я замерла, инстинктивно прижимаясь спиной к холодному, изумрудно светящемуся стволу. Куда? Назад? Вправо? Влево? Все направления были окрашены в тревожные тона. Синие пятна горя смыкались с красными зонами страха. Я чувствовала, как учащается пульс. Карта словно кричала: *"Опасность! Западня!"*

Слишком поздно.

Они появились бесшумно. Как будто материализовались из самих теней между деревьями, из переливчатого свечения грибов. Не сразу понятно, сколько их. Пятеро? Шестеро? Они окружали меня с флангов и сзади, перекрывая все пути к отступлению.

Эльфы.

Слово пришло само, как интуитивное знание от Карты, которая дрожала у меня в руках. Высокие. Стройные до неестественности. Движения – плавные, экономичные, невероятно быстрые и точные, без единого лишнего жеста. Они были одеты не в доспехи из фильмов, а в нечто функциональное и пугающе эффективное: облегающие комбинезоны или куртки с брюками из плотной, переливающейся ткани странного оттенка – не совсем серого, не совсем зеленого,

постоянно меняющегося, сливающегося с фоном светящейся коры и мха. Камуфляж Этерии. На головах – капюшоны или легкие шлемы, скрывающие большую часть лиц. Я мельком увидела лишь острые кончики ушей, бледную кожу и глаза – яркие, как драгоценные камни (изумрудные, сапфировые, янтарные), но абсолютно лишенные тепла. Холодные, оценивающие, как взгляд хищника.

Паника ударила, белая и слепая. Бежать! Инстинкт выживания пересилил разум. Я рванулась вперед, в единственный видимый просвет между двумя ближайшими фигурами, сжимая Карту как щит.

Бесполезно. Один из эльфов сделал шаг – не бежал, просто *шагнул* – и оказался передо мной. Его рука мелькнула – не для удара, а как молния. Что-то мягкое, но невероятно прочное обернулось вокруг моих запястий сзади, связывая их мгновенно и безболезненно, но намертво. Это было похоже на живую лозу, но холодную и упругую. Я вскрикнула от неожиданности и ужаса.

– Не двигайся, – прозвучал голос. Низкий, мелодичный, как журчание ручья, но абсолютно лишенный интонации. Команда. Не угроза – констатация. Я поняла слова? Или смысл проник напрямую в сознание? Я не знала. Но мое тело замерло в следующее же мгновение, скованное страхом и этой невидимой силой, держащей запястья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.